Проф. П. Страховъ.

ЗЛО ГЕРМАНІИ

и

ЕГО РЕЛИГІОЗНО-ФИЛОСОФСКІЯ ПРИЧИНЫ.

Типо-литогр. Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К°. Пименовская ул., соб. д.
Москва—1915.

Проф. П. Страховъ.

ЗЛО ГЕРМАНІИ

и

ЕГО РЕЛИГІОЗНО-ФИЛОСОФСКІЯ ПРИЧИНЫ.

Типо-лит. Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К°. Пименовская ул., соб. д.
Москва — 1915.

Когда нечистый духъ выйдетъ изъ человѣка, то ходитъ по безводнымъ мѣстамъ, ища покоя, и не находитъ; тогда говоритъ: возвращусь въ домъ мой, откуда вышелъ. И пришедъ, находитъ его незанятымъ, выметеннымъ и убраннымъ; тогда идетъ и беретъ съ собою семь другихъ духовъ, злѣйшихъ себя, и вошедши, живутъ тамъ; и бываетъ для человѣка того послѣднее, хуже перваго.

Матѳ. XII, 43—45.

Когда передъ лицомъ всего человѣчества впервые стали ужаснымъ кошмаромъ факты необузданнаго самомнѣнія, полнаго нравственнаго озвѣренія и самой безпринципной лжи германцевъ—это явилось положительно невѣроятной загадкой для тысячъ людей, которымъ приходилось доселѣ сталкиваться съ нѣмецкой націей и культурой не только на ея родинѣ, но и въ нашей русской дѣйствительности, уже издавна слишкомъ сроднившейся со своими близкими сосѣдями. Хотя и всегда нельзя было не чувствовать всю коренную разницу между русской и нѣмецкой душой, но кто же могъ до настоящаго времени отказать ей въ положительныхъ качествахъ ясно проявлявшейся честности и видимаго добродушія. И вдругъ, почти внезапно, все это рушится, и германцы, о которыхъ еще Тацитъ отзывался почти восторженно [1]), германцы, давшіе такъ много всему міру разумнаго, гуманнаго и даже идеальнаго,—превращаются въ нѣчто звѣриное, въ толпу варваровъ, попирающихъ всѣ требованія даже не честности, а самой элементарной порядочности, захлебываются въ наглости, и лжи, лжи безъ конца...

[1]) P. Cornelius Tacitus, De origine, situ, moribus ac populis Germanorum.

Что же произошло? Откуда все это? Или на германскій народъ сдѣлано покушеніе, и вотъ, на краю гибели и въ ужасѣ отчаянія, онъ обезумѣлъ? Ничего подобнаго, наоборотъ,—онъ же самъ, достигнувъ уже очевидно нестерпимаго далѣе апогея гордыни, бросается на своихъ давнихъ сосѣдей и начинаетъ съ того, что проносится бичомъ Аттилы по несчастной Бельгіи, повинной лишь въ томъ, что она считала свою землю своей, а не нѣмецкой собственностью. Остальное, что послѣдовало, общеизвѣстно.

На зрителя, если онъ даже повѣритъ лишь половинѣ того, что дѣлалось и дѣлается теперь, все это производитъ странное, почти мистическое впечатлѣніе того ужаса, который овладѣваетъ при видѣ припадка одержимости: невольно начинаетъ казаться, что въ цѣлую націю внезапно вселилась темная сила, повлекшая ее, какъ евангельское стадо свиней, въ пучину, если не окончательной гибели, то всеобщей ненависти и отвращенія. И въ самомъ дѣлѣ, уже при возникновеніи этой ужасной войны, сразу же долголѣтнее обаяніе нѣмецкой непобѣдимости и превосходства смѣнилось жаждой скорѣйшаго освобожденія Европы отъ опаснаго бѣсноватаго, непреодолимымъ желаніемъ обезвредить его во что бы то ни стало, а особенно когда сдѣлалось совершенно яснымъ, что его бѣсовское начало не только вырвалось на волю безумнымъ порывомъ, но прососало почти весь міръ невидимыми нитями лжи и зла.

Вотъ именно со стороны этой странной національной одержимости современной Германіи мнѣ и хотѣ-

лось бы подойти къ разрѣшенію возникшей психологической загадки, обрисовавъ неизбѣжность ея историческаго возникновенія не только на почвѣ политическихъ и экономическихъ комбинацій, о чемъ говорено уже много, а изъ глубокихъ идейныхъ корней четырехсотлѣтняго лютеранскаго религіозно-нравственнаго міросозерцанія. Конечно, стремясь обрисовать идеологію современныхъ проявленій германскаго духа со стороны только этой, мы нѣсколько суживаемъ общую, возникающую здѣсь задачу еще болѣе глубокаго обоснованія того, почему именно лютеранство возникло и развилось на національно-германской почвѣ, и не явилось ли и оно само лишь наиболѣе гибкимъ религіознымъ ученіемъ, какъ разъ пришедшимся по вкусамъ и вожделѣніямъ германской души? Но, во-первыхъ, это завело бы насъ слишкомъ далеко, а, во-вторыхъ, все-таки осталось бы страннымъ: почему германская нація, не терявшая своихъ положительныхъ качествъ въ теченіе самыхъ темныхъ вѣковъ средневѣковья, сразу же начала измѣняться въ отрицательную сторону съ момента появленія реформаціи, т.-е. въ сущности именно съ той исторической эпохи, когда въ общій жизненный строй цивилизованнаго человѣчества началъ обильно вливаться потокъ гуманитарныхъ идей? Что же касается того, къ чему привелъ этотъ уже столь давно начавшійся регрессъ національно-германской морали, и что развертывается въ результатѣ его передъ глазами всего міра, то разъясненіе всего этого здѣсь будетъ тѣмъ убѣдительнѣе, чѣмъ больше оно обо-

прется на чисто идейную основу современнаго *прусскаго* міросозерцанія Германіи.

Да и дѣйствительно, если неизбѣжные ужасы всякой войны могутъ быть объяснены естественными и матеріальными причинами, то только особая специфическая *настроенность* воюющаго человѣка можетъ превратить ихъ въ совершенно ненужныя и непонятныя, съ перваго взгляда, звѣрства. И вмѣстѣ съ тѣмъ, едва ли оспоримо вліяніе, оказываемое на душевный складъ человѣка той идейной атмосферой, въ которой онъ воспитывается и живетъ. Вѣдь нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, считать, что, напримѣръ, германскій кронпринцъ занимается воровствомъ и разграбленіемъ сокровищъ Бельгіи по необузданному инстинкту дикаря, отъ котораго онъ, конечно, безконечно далекъ по своему культурному развитію; но если это тѣмъ не менѣе происходитъ, то безъ сомнѣнія лишь потому, что воспитавшая его съ дѣтства идеологія это не только разрѣшаетъ, но и предписываетъ... для устрашенія всѣхъ, не желающихъ признать германцевъ высшей расой человѣчества.

I.

«Въ чисто физическія причины душевныхъ болѣзней я не вѣрю,—писалъ въ свое время, по поводу безумія Ницше, Вл. Соловьевъ,—скоро и никто въ нихъ не будетъ вѣрить. Психическое разстройство въ случаяхъ, подобныхъ этому (т.-е. Ницше), есть крайній способъ самоспасанія человѣческаго внутренняго существа черезъ жертву его видимаго, мозгового я, оказавшагося несостоятельнымъ въ рѣшеніи нравственной задачи нашего существованія» [2]). Тѣмъ болѣе, конечно, было бы страннымъ приписать современное поведеніе германской націи прямому безумію (что не исключаетъ возможности этого для ея политическихъ вождей), но симптомы одержимости бѣсомъ безграничнаго самомнѣнія, влекущаго Германію къ краю гибели, быть можетъ тоже есть провиденціальный поворотъ къ ея духовному спасенію, чрезъ тернистый путь медленно наступающаго отрезвленія, предъ лицомъ уже совершенно яснаго теперь краха долголѣтней мечты о мировомъ владычествѣ.

Какъ же, какимъ путемъ, современная герман-

---

[2]) Вл. Соловьевъ, Воскресныя письма, IX: „Словесность или истина?“ (Соч. т. VIII, стр. 101).

ская нація дошла до этихъ крайнихъ и, повторяю, быть можетъ спасительныхъ для нея предѣловъ національной гордости, все болѣе и болѣе запутывающейся въ сѣтяхъ самой разнообразной лжи? Вѣдь все совершенство современной техники, на которой строитъ свое физическое могущество современная Германія, не есть же причина того, что у столь уравновѣшеннаго до сихъ поръ государства закружилась голова настолько, чтобы бросать вызовы чуть ли не всему свѣту? И тѣмъ болѣе не техническій же и экономическій прогрессъ повинны въ заранѣе обдуманномъ и рѣшенномъ, преступномъ нападеніи и притомъ нападеніи со стороны націи, именующей себя христіанской, да еще вдобавокъ считающей, что въ томъ упрощенномъ христіанствѣ, которое она подарила человѣчеству въ лицѣ Лютера, именно она наиболѣе приблизилась къ евангельскому идеалу. Не даромъ же и безчисленные отпрыски лютеранства, въ видѣ повсюду внѣдряющихся раціоналистическихъ сектъ, горделиво именуютъ себя «евангелическими», а адепты ихъ не простыми, но «евангельскими» христіанами. А между тѣмъ, вѣдь именно теперь, послѣ всего того, что обнаружилось на этой «евангельской» почвѣ, становится положительно стыдно не за что иное, какъ за само христіанство, предъ лицомъ всѣхъ другихъ, гораздо менѣе культурныхъ, нехристіанскихъ націй. Что могутъ подумать теперь всѣ эти магометане, буддисты и язычники, которыхъ такъ давно и такъ старательно просвѣщали «евангельскіе» миссіонеры лютеранства? Впрочемъ, къ счастью, что бы они не сказали, у истиннаго,—

Христова, а не Лютерова,—христіанства можетъ найтись простой и ясный отвѣтъ: то, что именуется нынѣ «евангельскимъ» христіанствомъ лютеранскаго вѣроисповѣданія, не есть христіанство, а нѣчто, лишь имѣющее его видимость. А если такое утвержденіе покажется невѣроятнымъ, то достаточно будетъ указать на странныхъ служителей такого «христіанства», лютеранскихъ пасторовъ, въ родѣ Древса, не стѣсняющихся съ церковной каѳедры просто и свободно заявлять, что никакого и Христа-то не было: Онъ, по ихъ мнѣнію, есть не что иное, какъ миѳъ [3]... И это, по крайней мѣрѣ, прямо, откровенно, а потому и не лишено своеобразной оригинальности, тогда какъ вѣдь въ сущности не такой ли, или почти такой, мыслью насквозь пропитано и все современное лютеранское, самое ученѣйшее богословіе, гдѣ даже такой столпъ науки, какъ Гарнакъ, снисходительно отводитъ Христу лишь мѣсто человѣка, сумѣвшаго научить другихъ надлежащей вѣрѣ въ Бога вообще. Ну, какое же здѣсь христіанство! Но коли не христіанство, то что же? А вотъ что.

«Даровитый, но рьяный и страстный Лютеръ,—

---

[3]) О мнѣніяхъ Древса см. проф. С. Заринъ, Миѳологическая теорія Древса и ея разборъ, 1911. Цѣлый рядъ лютеранскихъ пасторовъ отрицаютъ историческую дѣйствительность воскресенія Христова (см. „Церк. Вѣстн.“, 1912, стр. 34), а одинъ изъ нихъ заявляетъ просто и прямо: „Имя христіанъ мы носимъ потому, что отъ личности Іисуса для насъ вышли самыя сильныя побужденія (?). Слово Богъ мы удерживаемъ только изъ уваженія къ исторіи, такъ какъ въ это слово вложено все, что наши предки религіозно чувствовали“ (тамъ же, стр. 163, по даннымъ Allg. Evangel.-Lutherische Kirchenzeitung).

говоритъ еп. Хрисанѳъ,—чувствовалъ свое безсиліе, свою непригодность къ монашеской жизни, но не просто отказался отъ этого образа жизни, а надумалъ новое начало, во имя котораго онъ могъ смотрѣть на свое отреченіе отъ обѣта, какъ на дѣло не только правое, но и святое» [4]). Не будемъ излагать въ этомъ краткомъ очеркѣ какъ и что сдѣлалъ лично Лютеръ для проведенія въ жизнь своихъ новаторскихъ взглядовъ, порожденныхъ, конечно, въ значительной степени и дѣйствительно возмутительными эксцессами торжествовавшаго католицизма, а сразу перейдемъ къ тому, что очень характерно выявилось при первомъ же серьезномъ столкновеніи вновь народившагося лютеранства съ католичествомъ на Аугсбургскомъ сеймѣ. При этомъ не забудемъ, что если католичество было лишь нѣмымъ свидѣтелемъ Аугсбургскаго исповѣданія новой вѣры, то придержащимъ властямъ, съ императоромъ Карломъ V во главѣ, оно было представлено какъ договоръ, устанавливающій вѣроисповѣдное положеніе лютеранства въ тѣхъ земляхъ, которыя оно охватило.

По словамъ одного изъ историковъ лютеранства, 25-ое іюня 1530 года было самымъ знаменательнымъ днемъ новаго вѣроисповѣданія: тогда былъ прочитанъ во всеуслышаніе текстъ знаменитаго Аугсбургскаго изложенія лютеранской вѣры, при чемъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ, особенно горячихъ ея послѣдователей «столь славнаго и дорогого

---

[4]) Характеръ протестантства и его историческое развитіе, 1871, стр. 74.

исповѣданія не было со временъ апостоловъ» [5]), уже не говоря о томъ, что его авторитетность была скрѣплена именами Лютера и Меланхтона, этого, если можно допустить такое сравненіе, ап. Павла лютеранства. И вотъ однако уже при самомъ возникновеніи Аугсбургскаго договора, при выработкѣ его тезисовъ не страстнымъ и увлекающимся Лютеромъ, а уравновѣшеннымъ и здравымъ Меланхтономъ, появляется сперва безцеремонный обманъ даже самого виновника новаго религіознаго движенія, а затѣмъ, вскорѣ, и просто поддѣлка уже разъ обнародованнаго и скрѣпленнаго подписями текста. Невольно мысль переносится, благодаря этому, на четыре столѣтія впередъ, къ пышному расцвѣту столь давно брошеннаго сѣмени въ современномъ германскомъ отношеніи ко всякаго рода договорамъ, какъ къ «клочкамъ исписанной бумаги».

Первый обманъ былъ направленъ на самого Лютера: текстъ Исповѣданія былъ представленъ ему не въ полномъ видѣ, а съ пропусками (были пропущены члены 20, 27 и 28-й). А далѣе и въ томъ, что не только было одобрено Лютеромъ, но и подписано на сеймѣ, Меланхтонъ не постѣснился дѣлать не одинъ разъ нужныя ему поправки и измѣненія. Такъ, уже въ слѣдующемъ 1531 году, при переизданіи латинскаго текста Исповѣданія (т. н. Variata 1531), въ него были внесены «нѣкоторыя дополненія», въ 1533 году появилось и еще новое изданіе, съ «еще болѣе значительными», въ

---

[5]) См. Н. Терентьевъ, Лютеранская вѣроисповѣдная система по символическимъ книгамъ лютеранства, 1910, стр. 10—11.

1540 году — съ «болѣе существенными», въ 1542 году было сдѣлано «еще нѣсколько добавленій», и т. д., и все это безъ вѣдома Лютера, не говоря уже о другой договаривавшейся сторонѣ. Впрочемъ говорятъ, что Лютеръ «повидимому не одобрялъ измѣненій», но фактъ тотъ, что онъ не нашелъ нужнымъ протестовать, а вѣрнѣе, разъ главное дѣло было сдѣлано, съ его мнѣніями уже и тогда перестали считаться... за ненадобностью. Поправки и дополненія вносились, вдобавокъ, лишь въ одинъ только латинскій текстъ, тогда какъ болѣе доступный для интересующихся, нѣмецкій, оставался по-старому. Наконецъ, вся эта безцеремонная комедія увѣнчалась окончательной и очень кстати пришедшейся потерей подлинника (съ подписями), такъ что уже въ 70-хъ годахъ XVI столѣтія пришлось его съ трудомъ отыскивать [6]). Если припомнимъ, по поводу всего этого, кого Христосъ назвалъ «лжецомъ и отцомъ лжи» (Іоан. VIII, 44), то уже самое начало того вѣроисповѣданія, которому было суждено 400 лѣтъ воспитывать нѣмецкую націю, получаетъ совершенно неожиданный и знаменательный оттѣнокъ.

Посмотримъ теперь, въ чемъ же состоятъ основоположенія возникшаго такимъ образомъ въ Германіи «евангельскаго», улучшеннаго и очищеннаго христіанства, возвратившагося, по мнѣнію его послѣдователей, къ временамъ апостольскимъ, а за-

---

[6]) Herzog-Hauck, Realencyklopädie f. protest. Theologie, B. II, 1897, S. 249. u. ff.; E. Köllner, Symbolik d. luther. Kirche, S. 238—341; F. Philippi, Symbolik, 1883, S. 254. u. ff.; см. Терентьевъ, стр. 11—15.

тѣмъ попытаемся сдѣлать изъ этихъ основоположеній логическіе выводы.

Основоположенія эти слѣдующія: во-первыхъ, догматъ оправданія и спасенія вѣрою, независимо отъ дѣлъ, и затѣмъ полная свобода каждаго истолковывать св. Писаніе (св. Преданіе отвергнуто совсѣмъ) по своему личному произволу, при чемъ предполагается, что индивидуальное воздѣйствіе на каждаго вѣрующаго (конечно лютеранина) благодати Духа Святаго дастъ для этого критерій истинности сужденія, и притомъ не только о содержаніи священнаго текста, но и о степени его подлинности и достовѣрности: «Для установленія канона,—пишетъ лютеранскій богословъ Твестенъ,—служатъ больше свидѣтельства Духа, чѣмъ внѣшнія и внутреннія доказательства принадлежности Писанія извѣстному лицу и времени» [7]). Остальныя, вытекающія изъ этого, но уже чисто теологическія положенія лютеранства (о первородномъ грѣхѣ, о церкви, о таинствахъ, о святыхъ, и т. п.) не имѣютъ прямого отношенія къ нашей темѣ, а потому мы касаться ихъ здѣсь и не будемъ.

Прежде всего, въ указанныхъ выше двухъ основныхъ принципахъ лютеранства бьетъ въ глаза чрезвычайная самонадѣянность, отводящая личному человѣческому вѣрованію и разумѣнію первенствующее мѣсто, чѣмъ совершенно опредѣленно отнимается у св. Писанія значеніе Слова Божія. И, дѣйствительно, формула Лютера: «Слово Божіе въ

---

[7]) Theolog. Stud. u. Kritik, 1828, S. 240; см. Терентьевъ, стр. 61.

Писаніи, но Писаніе не Слово Божіе» [8]) открываетъ широкое поприще для самыхъ произвольныхъ изысканій того, что вздумается принять за «Слово Божіе», для фантастическихъ толкованій и тенденціозныхъ отрицаній. Къ чему все это привело въ лютеранской экзегетикѣ, мы уже знаемъ: тамъ теперь не осталось камня на камнѣ, и сами богословы, кажется, окончательно запутались въ лабиринтѣ полнѣйшей экзегетической анархіи. И если все это произошло и происходитъ подъ личными наитіями «духа», то хуже всего, что вѣдь именно лютеранство-то и забыло установить хоть какой-нибудь объективный критеріумъ для различенія вдохновляющихъ его «духовъ»; если же приложить сюда мѣрку, рекомендуемую ап. Іоанномъ (I Іоан., IV, 2—3), то выводъ получается положительно страшный, такъ какъ вѣдь именно Христа-то «во плоти пришедшаго» современное лютеранство и свело къ миѳу. А между тѣмъ и самъ Лютеръ не только не отвергалъ посланія ап. Іоанна, но даже относился къ великому апостолу съ особой благосклонностью, рекомендуя, напримѣръ, его евангеліе предпочтительно передъ всѣми остальными. Съ другой стороны, на взглядъ всякаго здравомыслящаго человѣка, и даже не христіанина, спасеніе одной вѣрой, безъ дѣлъ, является какимъ-то абсурдомъ, а между тѣмъ столь общепринятая формула ап. Іакова: «вѣра безъ дѣлъ мертва есть» (Іак. II, 26), не только отвергнута Лютеромъ, но и самое посланіе этого апостола заклеймлено презри-

---

[8]) Еп. Хрисанѳъ, стр. 36—37.

тельной кличкой «соломеннаго» (strohernе) [9]). Опять-таки не вдаваясь здѣсь въ обсужденіе того порядка мыслей, который привелъ основателя лютеранства къ его главному положенію о спасеніи вѣрой, обоснованному на своеобразномъ и буквальномъ толкованіи посланій ап. Павла къ римлянамъ и галатамъ, гдѣ апостолъ, какъ извѣстно, борется противъ отмѣненнаго христіанствомъ еврейскаго Закона дѣлъ, но отнюдь не противъ дѣлъ самихъ по себѣ, посмотримъ теперь, какъ справилась съ возникшей нравственной антиноміей лютеранская богословская мысль, и что изъ этого вышло.

Уже Меланхтонъ нашелъ нужнымъ именно 20-й членъ Аугсбургскаго исповѣданія, говорящій о вѣрѣ и добрыхъ дѣлахъ, скрыть отъ вниманія Лютера при предварительномъ просмотрѣ представлявшагося на сеймъ текста, а затѣмъ не только высказался за добрыя дѣла въ своихъ Loci theologici, но и прямо внесъ слова о необходимости добрыхъ дѣлъ въ составленный имъ такъ называемый Лейпцигскій Интеримъ 1548 года. Впослѣдствіи это столь принципіальное уклоненіе отъ прямолинейной формулы Лютера получило, какъ и слѣдовало ожидать, въ силу внѣшнихъ обстоятельствъ, чисто схоластическое развитіе въ практическомъ лютеранскомъ богословіи, сообщивъ ему кисло-сладкій привкусъ того ханжества, которому было суждено сыграть немалую роль въ томъ отвращеніи не толь-

---

[9]) Luthers Werke, B. 63, S. 114—115. См. С. Маргаритовъ, Лютеранское ученіе при жизни Лютера, 1895, стр. 71; Терентьевъ, стр. 78.

ко къ лютеранству, но и къ христіанству вообще, что достигло своего апогея въ антихристіанскихъ хулахъ Ницше, сына пастора.

Но не всѣ послѣдователи Лютера обладали такой гибкостью убѣжденій, какъ Меланхтонъ. Такъ, напримѣръ, Николай Амсдорфъ, бывшій долгое время проповѣдникомъ въ Магдебургѣ, училъ просто и прямо, что добрыя дѣла даже вредны для спасенія [10]), а Кальвинъ уже строго-логично развилъ принципъ спасенія одною вѣрой, совершенно правильно выведя изъ него свое ученіе объ абсолютномъ предопредѣленіи однихъ (конечно вѣрующихъ кальвинистовъ) для неизбѣжнаго спасенія, а другихъ (всѣхъ остальныхъ смертныхъ)— для столь же неизбѣжной гибели. И въ самомъ дѣлѣ, если спасаетъ только вѣра, безъ дѣлъ, то очевидно, что всѣ безъ исключенія люди могутъ спастись, стоитъ имъ лишь повѣрить въ Христа, что, конечно, въ виду вѣчныхъ мученій, сдѣлать не трудно и выгодно; но какъ быть тогда съ адомъ и его муками, которыя почему-то особенно чаровали лютеранское воображеніе? Этотъ-то гордіевъ узелъ и разрубаетъ Кальвинъ, говоря, что одни отъ вѣка предназначены для спасенія и имена ихъ уже заранѣе написаны на небесахъ, и что бы они ни дѣлали—они спасутся; другимъ же, предназначеннымъ къ погибели, нѣтъ не только спасенія, но и помощи со стороны Бога. А коли такъ, то «предназначенный къ блаженству», можетъ ничего рѣши-

---

[10]) F. Philippi, Symbolik, 1883, S. 286; см. Терентьевъ, стр. 43.

тельно не бояться, что же касается «обреченныхъ», то о нихъ не только не стоитъ задумываться, но и церемониться съ ними нечего. Далѣе остается лишь установить относительно самого себя: къ какому разряду относишься, и дальнѣйшій modus vivendi становится яснымъ. А установить это въ сущности очень просто: избранникъ Божій—это вѣрующій, т.-е. послѣдователь Кальвина. Остальные же люди безъ сомнѣнія обречены на гибель, а грѣхи ихъ даже вообще полезны, такъ какъ даютъ избраннымъ возможность упражнять, испытывать и укрѣплять свою добродѣтель и итти такимъ образомъ болѣе быстро по пути спасенія. Отсюда одна изъ излюбленныхъ идей кальвинизма о злѣ, какъ средствѣ къ достиженію цѣлей добра.

Послѣдствія ученія о предопредѣленіи и богоизбранности не преминули вскорѣ же обнаружиться. Такъ, Цвингли завершаетъ свою религіозную пропаганду въ нѣмецкихъ кантонахъ Швейцаріи тѣмъ, что велитъ выносить изъ церквей иконы, кресты, свѣчи, алтари и органы, а когда встрѣчаетъ препятствіе со стороны католиковъ, то не задумываясь распоряжается о сожженіи всѣхъ этихъ предметовъ, да кстати и вмѣстѣ съ тѣми монастырями, которые не соглашаются съ ними добровольно разстаться [11]). Въ свою очередь Кальвинъ, въ извѣстномъ дѣлѣ Сервета, не стѣсняется ролью доносчика даже католическому епископу о еретическихъ взглядахъ ненавистнаго ему защитника добрыхъ дѣлъ, а женевскому городскому совѣту—на

---

[11]) Еп. Хрисанѳъ, стр. 86.

него же, какъ на опаснаго революціонера, добиваясь, и добившись, его сожженія на кострѣ, который, конечно, мало отличался отъ костровъ инквизиціи, но зато спровадилъ въ геенну одного изъ очевидно «обреченныхъ» [12]). Нужно ли говорить о тѣхъ почти непрерывныхъ религіозныхъ междоусобіяхъ и войнахъ, что возгорѣлись по всей Европѣ по почину новаго благодѣтельнаго христіанства, для характеристики же истинно «евангельскаго» настроеніе самого Лютера там, гдѣ дѣло шло о его личныхъ интересахъ, достаточно вспомнить его знаменитыя слова, обращенныя къ подавителямъ крестьянскаго мятежа 1525 года: «Коли, бей, угнетай ихъ, кто можетъ. Если ты при этомъ умрешь, то благо тебѣ, болѣе блаженной жизни и не можешь получить ты» [13]). А вѣдь это было сказано еще до Аугсбургскаго сейма, т.-е. еще въ золотой періодъ самаго нарожденія того, что и черезъ четыре вѣка даетъ себя знать. Мудрено ли, что такое настроеніе разрѣшилось цѣлымъ рядомъ казней, и вдобавокъ казней не подъ вліяніемъ страстнаго порыва ненависти къ противникамъ, а на основаніи строго обдуманной идеологіи: Меланхтонъ и Беза научнымъ образомъ защищали право подвергать еретиковъ смертной казни, а первый,

---

[12]) Весьма характерно, при этомъ, заявленіе Кальвина въ бесѣдѣ съ Фарелемъ, что если Серветъ прибудетъ когда-нибудь въ Женеву, и если только онъ (Кальвинъ) имѣетъ еще какое-либо значеніе, то позаботится о томъ, чтобы Серветъ уже не оставилъ Женевы живымъ. См. Робертсонъ, Исторія христіанской церкви, т. II, 1891, стр. 725.

[13]) Робертсонъ, стр. 602. Невольно напрашивается параллель этого возгласа съ увѣщаніемъ ап. Петра (II Петр. IV, 15—16).

въ согласіи съ Лютеромъ, защищалъ даже тираноубійство [14]).

Но при этомъ все-таки не надо забывать, что самая богоизбранность, самое полученіе благодатныхъ даровъ Духа Святаго еще поставлялись тогда въ непремѣнную зависимость отъ вѣры въ Христа и Его спасительный подвигъ. Лишь со временемъ, по мѣрѣ приближенія къ нашей эпохѣ, именно вѣра-то въ Христа въ лютеранствѣ все болѣе и болѣе уходила на второй планъ, но зато выдвигалась избранность, но уже обосновывавшаяся на мотивахъ, съ религіей ничего общаго не имѣющихъ, пока, наконецъ, не установилась уже совсѣмъ опредѣленно въ формѣ національной избранности германской націи по сравненію со всѣми остальными. Такимъ образомъ, основной принципъ лютеранства сыгралъ свою историческую роль въ развитіи ново-германскихъ національныхъ идей.

Мало-по-малу кровавыя распри перволютеранскаго времени стихли при наступленіи «вѣка просвѣщенія» и стихли лишь потому, что религіозный пылъ реформаціоннаго движенія началъ быстро потухать, смѣняясь теплохладностью религіознаго критицизма и индифферентизма съ одной стороны и шаблоннаго пфаррерскаго благочестія—съ другой. Вселившійся было въ лютеранство бѣсъ звѣрства, прокатившагося волной отъ костровъ Швейцаріи до плахъ англійскаго пуританизма, вышелъ на время, и тотчасъ же началась раціоналистическая уборка и подготовка лютеранскаго «дома» къ возвращенію въ него иныхъ бѣсовъ, еще лютѣйшихъ.

---

[14]) Робертсонъ, стр. 823.

II.

Съ великою скорбью приходится продолжать предпринятый мною анализъ разлагающаго вліянія основныхъ идей лютеранства на германскій духъ, старому генію котораго такъ много обязано человѣчество. Было бы лишнимъ и ненужнымъ повторять и перечислять все то, что во всѣхъ областяхъ науки и искусства, и въ частности въ областяхъ богословскаго знанія, почерпнуто и черпается именно изъ нѣмецкихъ, столь надежныхъ и столь доступныхъ источниковъ. Всякій, кто хоть сколько-нибудь работалъ въ той или иной области, конечно не можетъ не вспомнить о нихъ съ чувствомъ глубочайшей благодарности, но потому-то и еще болѣзненнѣе чувствуется та трещина, что рѣзкимъ ударомъ прошла черезъ духовную связь почти всего человѣчества, чуть ли не навсегда отдѣливъ сокровища нѣмецкаго духа отъ его глубокаго нравственнаго паденія. Но, будемъ надѣяться, что великія скорби бѣсовскаго наважденія возродятъ былую духовную мощь Германіи, а огненное испытаніе испепелитъ овладѣвшихъ ею демоновъ. Можно, конечно, возразить, что современное, разлагающееся лютеранство, какъ религіозное вѣроученіе, едва ли могло такъ глубоко по-

вліять на измѣненіе германскаго духа; можно сказать даже, что уже давно оно не представляетъ основной культурной стихіи жизни Германіи; наконецъ, можно указать и на то, что далеко не вся Германія олютеранена, и что ужасы Лувена и разгромъ реймсской святыни обязаны ярости именно католическихъ германскихъ полчищъ. Но на все это можно отвѣтить съ достаточной убѣдительностью.

Да, конечно, современное лютеранство Древсовъ—уже не христіанство, а лишь продуктъ разложенія отломившейся отъ него мертвой вѣтви, но нельзя забывать, что разложеніе христіанства еще не одно и то же съ его полнымъ отсутствіемъ. Когда турецкій башибузукъ совершаетъ дѣянія, приблизительно сходныя съ тѣмъ, что происходило въ Бельгіи, то его мѣряютъ инымъ масштабомъ, чѣмъ «евангельскаго» христіанина-императора, одной рукой, въ порывѣ мелочного озлобленія первой же неудачей, направляющаго пушки на разгромъ католическаго храма, а другой—дѣлающаго жестъ въ сторону «стараго нѣмецкаго Бога», кощунственно изображаемаго теперь даже на карикатурахъ. Лучше совсѣмъ не читать евангелія, чѣмъ, не разставаясь съ Библіей, комментировать ее по Геккелю; лучше совсѣмъ не слыхать никакого христіанскаго увѣщанія, чѣмъ слушать отъ христіанскаго священника о миѳичности Христа.

Но не сразу, конечно, а путемъ долгой и сложной, хотя логически и неизбѣжной эволюціи, лютеранское религіозное сознаніе достигло этихъ предѣловъ разложенія. Уже весьма давно, по почину Годфрида

Арнольда (1666—1714), въ лютеранствѣ возникло такъ называемое піэтистическое направленіе, поставившее личныя заслуги, добродѣтельную жизнь и «благочестіе сердца» выше всякихъ, а въ частности и Аугсбургскихъ догматовъ, сведя такимъ образомъ все или къ полной ненужности какой бы то ни было религіи, или, вѣрнѣе, къ безконечному множеству частныхъ индивидуальныхъ религій, смотря по личному вкусу и настроенію, что, впрочемъ, у завершителя этого направленія,—Шлейермахера,—характеризуется болѣе величественнымъ, но достаточно туманнымъ, выраженіемъ: «ощущать въ себѣ безконечное». Отсюда же дѣлается и прямой выводъ, что всѣ религіи одинаково истинны, такъ какъ всякій человѣкъ можетъ, и въ правѣ, «проникаться безконечнымъ» по-своему. Все сводится къ области личнаго религіознаго чувства и настроенія, а отсюда, конечно, уже одинъ шагъ и до того, что если такое чувство почему-либо исчезнетъ, то на его мѣсто можетъ стать что угодно, не исключая самообоженія и самаго узкаго національнаго эгоизма, уже не считающагося ни съ какими нравственными нормами при осуществленіи своихъ задачъ. А главное, при этомъ устраняется необходимость въ какой-либо вѣроисповѣдной дисциплинѣ и открывается самое широкое поприще для личнаго религіознаго творчества, могущаго молиться какъ и кому угодно. Не даромъ же столь модное теперь теософское движеніе прочно обосновалось именно въ Германіи, на развалинахъ лютеранства, и смѣло вербуетъ всѣхъ любителей религіознаго безчинія.

Нельзя думать также, что религіозное чувство играло незначительную роль въ постепенной выработкѣ нѣмецкаго національнаго сознанія въ новѣйшее время. Золотой расцвѣтъ нѣмецкой философіи весь обвѣянъ религіей, хотя бы лишь въ духѣ эмансипированнаго отъ всякихъ вѣроисповѣдныхъ формъ непосредственнаго религіознаго «ощущенія» Шлейермахера. Кантъ, Шеллингъ, Гегель и цѣлый сонмъ ихъ продолжателей и подражателей, вплоть до самаго послѣдняго времени, положительно или отрицательно, но не отводятъ глазъ отъ Божественнаго Начала міра, и даже самъ Геккель посвящаетъ немало страницъ полемикѣ съ «клерикалами», и при томъ въ вопросахъ не практическихъ, а принципіальныхъ. И кромѣ того, во всемъ этомъ нельзя не подмѣтить глубоко залегающей лютеранской закваски, до сихъ поръ еще внѣдряемой въ воспріимчивыя дѣтскія души въ семьяхъ, по своему офиціальному положенію такъ или иначе связанныхъ съ господствующей религіей. А между тѣмъ именно изъ такихъ семей выходило большинство дѣятелей въ нѣмецкомъ ученомъ мірѣ, «состоящемъ,—по словамъ Ницше,—на три четверти изъ пасторскихъ и учительскихъ сыновей» [15]). Пусть даже лютеранская окраска нѣмецкой мысли дѣлается все болѣе и болѣе слабой по мѣрѣ приближенія къ нашему времени, и даже въ концѣ-концовъ совершенно распыляется въ анархической смѣси самыхъ разнообразныхъ направленій, споровъ и противорѣчій; пусть даже справедливы сло-

---

[15]) Ф. Ницше, Антихристъ, пер. Полилова, 1907, стр. 18.

ва одного изъ изслѣдователей реформаціи, сказанныя почти 30-ть лѣтъ назадъ: «Протестанская вѣра при смерти. Всѣ новѣйшіе труды о Германіи, равно какъ и всѣ личныя наблюденія согласны въ этомъ» [16]). Но если бы даже съ тѣхъ поръ лютеранство успѣло окончательно умереть,—оно все-таки уже подарило человѣчеству философски и вдобавокъ совершенно атеистически обработанный догматъ о главенствѣ человѣческой индивидуальности, превратившійся сперва въ чудовищные образы ницшеанскаго «сверхчеловѣчества», а затѣмъ, въ узкихъ лбахъ берлинскаго юнкерства,—въ «Deutschland über Alles». Посмотримъ теперь, какъ все это слагается исторически.

Немного лѣтъ прошло послѣ Аугсбургскаго соглашенія, какъ уже самъ Лютеръ принужденъ былъ съ каѳедры констатировать (въ 1532 году) слѣдующій неутѣшительный фактъ: «Діаволы теперь толпами вселяются въ людей, такъ что подъ яркимъ свѣтомъ евангелія они стали только алчнѣе, безстыднѣе и злѣе, чѣмъ были раньше, при папствѣ; видно среди крестьянъ, горожанъ и дворянъ, во всѣхъ классахъ, отъ высшихъ до низшихъ, какую постыдную и безпорядочную жизнь они ведутъ, проводя ее въ хищничествѣ, попойкахъ, мошенничествѣ, безстыдствѣ и во всякаго рода нечистотѣ и порокахъ» [17]). Да и мудрено ли, что это случилось съ простыми смертными, когда сами монахи-реформаторы, освободившись отъ «папскаго

---

16) Hohoff, Die Revolution seit dem sechzehnten Jahrhundert, 1887, S. 150; см. Терентьевъ, стр. 461.

17) Робертсонъ, стр. 701.

ига», что было для большинства изъ нихъ главной приманкой всего движенія, поспѣшили прежде всего пережениться, а нѣкоторые изъ болѣе вліятельныхъ свѣтскихъ людей (напримѣръ, ландграфъ Филиппъ Гессенскій) воспользовались лютеранскими послабленіями даже для двоеженства, и когда самъ Лютеръ, бывшій августинскій монахъ, не стѣсняется сообщить своей женѣ (тоже бывшей монахинѣ—Екатеринѣ Боръ) о себѣ самомъ слѣдующую благую вѣсть въ письмѣ отъ 2-го іюля 1540 года: «Я жру, какъ богемецъ, и пью, какъ нѣмецъ, слава Богу за это» [18]).

Однако, путь богоизбранности, открытый нѣмецкому народу лютеранствомъ, былъ быстро усвоенъ, несмотря на все это, даже вообще не благоволившимъ къ нему мистицизмомъ. Такъ, напримѣръ, извѣстный нѣмецкій мистикъ конца XV столѣтія, Яковъ Беме, простой ремесленникъ по профессіи, съ удивительно непосредственной національной самонадѣянностью, столь хорошо извѣстной намъ теперь, но очевидно имѣющей очень старые и глубокіе корни, полагаетъ, что самъ Богъ изрекалъ Свои творческіе глаголы... по-нѣмецки. Въ своемъ первомъ мистическомъ твореніи «Аврора или утренняя заря въ восхожденіи» онъ пишетъ слѣдую-

---

[18]) Робертсонъ, стр. 703. Интересно еще слѣдующее сообщеніе о Лютерѣ, сдѣланное графомъ Мансфельдомъ въ 1522 году, т.-е. всего черезъ пять лѣтъ послѣ Виттенбергскихъ тезисовъ: „Лютеръ парень шустрый, пьетъ знатно... не прочь отъ красивыхъ женщинъ, играетъ на лютнѣ и ведетъ вообще легкую жизнь“ (ibid.). Замѣтимъ кстати, что до 1524 года Лютеръ все еще считался въ числѣ августинскихъ монаховъ.

щее: «Богъ сказалъ: да будетъ свѣтло (Быт. I, 3). Замѣть здѣсь смыслъ въ высочайшей глубинѣ: слово «сказалъ»—sprach—сказано по-человѣчески. Вы, философы, откройте глаза, я хочу въ моей простотѣ научить васъ *языку Божію*, каковъ онъ долженъ быть. Слово sprach собирается между зубами: ибо они стискиваются, и духъ съ шипомъ выходитъ наружу сквозь зубы, и языкъ изгибается посрединѣ и заостряется спереди, какъ бы прислушиваясь, что тамъ шипитъ, и боясь. Но когда духъ собираетъ слово, онъ закрываетъ ротъ и собираетъ слово въ задней части нёба надъ языкомъ, въ полости, въ горькомъ и терпкомъ качествахъ. Тогда языкъ пугается и прижимается къ нёбу: и тогда духъ вырывается изъ сердца и заключаетъ слово, и т. д.» [19]). Все это не столь наивно, какъ характерно.

Возраставшее лютеранское самомнѣніе не могло, конечно, не быть до поры до времени смягчено и замаскировано послѣдовавшей эпохой просвѣщенія, принесшей съ собой кромѣ религіознаго индифферентизма еще и столь далекое отъ узкаго націонализма уваженіе къ правамъ человѣка вообще. И какъ это ни странно, все это, можетъ быть отчасти утрированно-гуманистическое движеніе вышло не изъ «евангельски» обрабатываемой Германіи, но изъ рано раскусившей лютеранство Англіи, а затѣмъ изъ сперва строго-католической, потомъ уже и прямо атеистической Франціи. Въ то время, какъ

---

[19]) Яковъ Беме, Aurora или утренняя заря въ восхожденіи, перев. А. Петровскаго, 1914, стр. 263, курсивъ мой.

Англія выставила во главѣ просвѣтительнаго движенія Локка, а Франція—своихъ энциклопедистовъ, въ Германіи не нашлось ничего лучшаго, какъ рядъ лютеранскихъ богослововъ, въ родѣ нагло-лживаго Бардта, скучно резонировавшаго Томазія, или подлаживавшагося къ правительству Землера. Только уже въ самомъ концѣ выдвигается подводящая итоги фигура Канта, который въ своемъ философскомъ выводѣ, что истинная религія не можетъ быть достигнута при помощи одного лишь чистаго разума, нуждаясь въ особомъ откровеніи (конечно личномъ), санкціонируетъ своимъ великимъ философскимъ именемъ все тотъ же лютеранскій догматъ о личномъ благодатномъ озареніи и богоизбраніи. Да и вообще все то, что у Канта настолько близко къ христіанству, что даже возбуждало разочарованіе въ раціоналистахъ просвѣтительнаго направленія, по существу очень не далеко отъ все тѣхъ же лютеранскихъ схемъ. Таково, напримѣръ, его философское пониманіе такъ называемаго коренного зла, какъ прирожденной «наклонности» человѣческой природы слѣдовать чувственному побужденію, нарушающему нравственный законъ, что представляетъ собою лишь болѣе утонченное отображеніе лютеровскаго первороднаго грѣха, подобнаго «нѣкоторому духовному яду и ужасной проказѣ, заразившей и повредившей всю природу человѣка», вслѣдствіе чего похоть сдѣлалась составною частью его существа [20]).

---

[20]) Виндельбандъ, Истор. новой философіи, II, 1905, стр. 106—109.

Когда въ настоящее время мы слышимъ, что Германія—страна Шиллера, Гете, Шеллинга, Фихте, Гегеля, то съ перваго взгляда можетъ показаться, что и лютеранское міросозерцаніе смогло привести къ идеалистическимъ системамъ, вообще очень далекимъ отъ современнаго намъ ультра-реалистическаго бѣснованія германской націи. Но для того, чтобы разсѣять это недоразумѣніе, надо лишь вспомнить, что всѣ эти имена связаны съ эпохой романтизма, начавшейся знаменитымъ періодомъ «бури и натиска» (Sturm und Drang), а затѣмъ характеризовавшейся именно страстнымъ порывомъ прочь отъ плоскихъ будней лютеранства—къ героическимъ переживаніямъ средневѣковья и къ мистическимъ красотамъ католическаго культа. Людей того времени неудержимо потянуло отъ голыхъ стѣнъ лютеранской «кирки» въ мерцающій полумракъ готическихъ соборовъ и отъ унылыхъ пасторскихъ плащей къ пурпуру кардинальскихъ мантій. Если же вглядѣться повнимательнѣй, то и въ этомъ чисто эстетическомъ порывѣ можно угадать плодъ уже слишкомъ развитого тѣмъ же лютеранствомъ индивидуализма, переросшаго предлагавшіяся ему лицемѣрно-скромныя внѣшнія формы культа и жизни. И пусть даже этотъ порывъ съ чисто религіозной точки зрѣнія и не особенно цѣненъ и глубокъ, но зато онъ очень знаменательно совпадаетъ именно съ разливомъ того пресловутаго идеализма, на который, заднимъ числомъ, любятъ ссылаться до сихъ поръ почитатели современной Германіи, забывая, что она уже давно ушла отъ своихъ идеалистовъ-эстетиковъ въ чисто чрев-

ныя вождѣленія самаго реалистическаго свойства.

Да, старые нѣмецкіе идеалисты говорили, конечно, иное, но очень ли иное?—вотъ вопросъ, и притомъ казалось бы вполнѣ неожиданный. Не слишкомъ ли даже здѣсь сказалась уже успѣвшая глубоко укорениться лютеранская закваска? Не таилось ли зерно грубаго индивидуализма уже въ раннихъ писаніяхъ хотя бы самаго красиваго изъ философовъ-романтиковъ—Шеллинга? И, дѣйствительно, развѣ не ему принадлежитъ, напримѣръ, въ области права, слѣдующее изреченіе: «Ограниченная сфера того, что мы можемъ, составляетъ въ области свободы воли то, что мы смѣемъ дѣлать. То, что я смѣю дѣлать, есть мое право». Правда, эта идея, предвосхищающая Ницше, въ устахъ Шеллинга смягчается условіемъ наличности моральнаго насилія со стороны противника, но тѣмъ не менѣе окончательный выводъ не слишкомъ далекъ отъ того, что получило со временемъ полное и окончательное развитіе. «Если какой-нибудь индивидуумъ,—говоритъ Шеллингъ,—пытается уничтожить мою моральную свободу, то связь, объединяющая насъ, какъ моральныя существа, разрывается, и этотъ другой индивидуумъ перестаетъ быть для меня равнымъ мнѣ существомъ; я имѣю право обращаться съ нимъ, какъ съ простымъ объектомъ, и опредѣлять его исключительно физической силой». Такъ устанавливается шеллинговское понятіе о такъ называемомъ принудительномъ правѣ, для поддержанія котораго затѣмъ, и вполнѣ послѣдовательно, по мнѣнію Шеллинга, необходимо создать такое положеніе вещей, при кото-

ромъ на сторонѣ права всегда была бы и физическая сила [21]). Конечно, въ эпоху Шеллинга сущность такого права еще характеризуется идеалистической нормой Фихте, гласившей, что только тотъ нравственный человѣкъ, кто выполняетъ всякую задачу, имѣя въ виду въ ея рѣшеніи найти другую, высшую; что нравственный законъ требуетъ, чтобы каждая человѣческая дѣятельность имѣла въ виду идеалъ, который никогда не можетъ быть достигнутъ вполнѣ, но тѣмъ не менѣе долженъ опредѣлять собой каждую отдѣльную задачу жизни [22]). Но уже черезъ нѣсколько лѣтъ, пусть даже подъ давленіемъ чужестраннаго угнетенія родины, тотъ же Фихте, въ своихъ знаменитыхъ «Рѣчахъ къ нѣмецкой націи», все-таки очень легко и просто приходитъ къ заключенію, что въ виду односторонностей всѣхъ другихъ націй, только одна германская оказывается призванной къ выполненію идеала человѣчества [23])... И, наконецъ, все завершается тѣмъ, что Гегель видитъ въ государствѣ образъ самого «абсолютнаго духа», и при томъ очевидно въ государствѣ не только германскомъ, но даже прусскомъ, такъ какъ прусскій министръ Альтенштейнъ находитъ возможнымъ провозгласить ученіе Гегеля «прусской государственной философіей», непосредственнымъ практическимъ результатомъ чего является назначеніе надежныхъ

---

[21]) Neue Deduction des Naturrechts, §§ 54—75; 140—163. См. Куно Фишеръ, Исторія новой философіи, т. VII, 1905, стр. 313—315.

[22]) Виндельбандъ, II, стр. 182.

[23]) Тамъ же, стр. 184.

учениковъ «прусскаго философа» на различныя университетскія каѳедры [24]).

Такимъ образомъ, мечтательный и довольно невинный самъ по себѣ идеализмъ романтиковъ, позировавшихъ своими смѣлыми выводами больше передъ различнаго рода «Люциндами», въ родѣ Доротеи Фейтъ, въ Пруссіи сразу, и тогда же, получаетъ дѣловой характеръ, а вскорѣ, въ видѣ реакціи, порождаетъ и первый, еще полубезсознательный и не понятый современниками ростокъ будущей характерно-прусской идеологіи въ лицѣ «ницшеанца 40-хъ годовъ»,—Штирнера.

Одинокій и скоро позабытый Штирнеръ еще просто лишь отмежовывалъ себя отъ Бога и человѣка, говоря: «Божье—дѣло Бога; человѣческое—человѣка. Мое дѣло ни божье, ни человѣческое; мое дѣло ни истина, ни благо, ни справедливость, ни свобода, и т. д.; мое дѣло—только мое дѣло, не общее дѣло, а единственное, какъ единственenъ я самъ. *Мнѣ нѣтъ дѣла ни до чего, кромѣ меня*» [25]). Но столь рѣзкое утвержденіе самодовлѣющаго эгоизма было тогда еще преждевременнымъ; оно пришлось еще не по плечу даже дѣятелямъ той крайней лѣвой гегельянства, откуда оно произошло: Штирнеру горячо возражалъ не только столь яркій позитивистъ, какъ Фейербахъ, но даже представитель еще только что нарождавшагося тогда соціализма, сотрудникъ Маркса, Гессъ, а иные такъ даже попросту приняли

---

[24]) Виндельбандъ, стр. 266 и 249.

[25]) См. В. Саводникъ, Ницшеанецъ 40-хъ годовъ, 1902, стр. 19, курсивъ мой.

книгу Штирнера «Единственный и его достоянiе» за ловкую мистификацiю, пытающуюся довести до абсурда крайнiя идеи имманентной философiи [26]). Такъ или иначе, но Штирнеру не суждено было произвести впечатлѣнiя,—онъ умеръ въ полномъ забвенiи отъ какого-то страннаго укуса ядовитой мухи.

Но важно не то, что Штирнеръ прошелъ безслѣдно (даже впослѣдствiи столь сходный съ нимъ Ницше почему-то не обмолвился о немъ ни словомъ), а то, что именно на прусской почвѣ, въ Берлинѣ, центрѣ офицiальнаго лютеранства и нарождавшейся ново-германской государственности, пустила первый ростокъ «философiя чистаго эгоизма», какъ называлъ совокупность своихъ идей Штирнеръ. Болѣе того,—не нужно особой проницательности, чтобы въ крайнихъ выводахъ штирнеровскаго «эгоизма» обнаружить лишь опять-таки доведенiе до крайнихъ, но вполнѣ логичныхъ, предѣловъ все того же рѣзкаго индивидуализма, который проистекаетъ изъ провозглашеннаго въ свое время реформацiей принципа абсолютной авторитетности человѣческаго разума и чувства въ самыхъ глубокихъ вопросахъ религiи и морали. Но только то, что у ортодоксальныхъ лютеранъ выливалось въ ученiе о предопредѣленiи и богоизбранности,—на почвѣ полнаго атеизма прiобрѣло характеръ поклоненiя единому цѣнному, собственному Я, такъ какъ, по словамъ того же Штирнера, «существуютъ только отдѣльные люди, изъ которыхъ каждый соста-

---

[26]) Саводникъ, стр. 13—14.

вляетъ единое законченное цѣлое, не встрѣчающее ни въ комъ другомъ точнаго подобія». И если по существу это и вполнѣ справедливо, то во всякомъ случаѣ ясно, куда мѣтитъ Штирнеръ, дѣлая отсюда выводъ, что «человѣкъ, какъ понятіе, существуетъ только въ умѣ. Онъ—идея, духъ, призракъ» [27]).

Легко раздѣлавшись съ религіей, которую оно просто игнорируетъ, это крайнее направленіе, если можно такъ выразиться, «олютераненой» философской мысли уже очень легко покончиваетъ и съ другими кумирами, которые были поставлены раціонализмомъ на мѣсто отвергнутаго Бога: человѣкъ, человѣчество, гражданскій строй, воля народа—все это отвергается, въ свою очередь, во имя «чистаго эгоизма», и даже болѣе того—вѣра хоть во что-либо изъ этихъ фетишей есть, по мнѣнію Штирнера, лишь нѣчто въ родѣ своеобразной одержимости, отъ которой можетъ спасти только уже самый крайній видъ свободы, именно «свобода отъ мыслей» (Gedankenlosigkeit), ибо единственно цѣнно только мое Я, немыслимое и неописуемое [28])...

Впрочемъ, въ области общественности, Штирнеръ еще не рѣшался отказаться отъ туманнаго идеала какого-то «свободнаго союза», далекаго, впрочемъ, даже отъ обычной соціалистической коммуны, такъ какъ, по словамъ философа: «Эгоистъ владыка, соціалистъ же—нищій» [29]). Такъ, отъ лютеровскаго

---

27) Саводникъ, стр. 22—23.

28) Тамъ же, стр. 36.

29) Тамъ же, стр. 47.

«я спасенъ», черезъ «все есть я» (Alles ist Ich) Фихте, германская мысль приходитъ къ «я есмь все» (Ich bin Alles) Штирнера. Послѣ этого понадобилось еще полвѣка уже чисто прусскаго развитія нѣмецкой государственности и шедшаго объ руку съ ней прогресса эгоистическихъ идей, чтобы достичь, наконецъ, ужасовъ современности, но, во всякомъ случаѣ, путь былъ уже намѣченъ. Пустое мѣсто, все болѣе и болѣе освобождавшееся въ нѣмецкой душѣ по мѣрѣ освобожденія лютеранства отъ Христа, медленно уготовлялось для воспріятія «отца лжи»; не доставало лишь внѣшняго лоска, который и не замедлилъ появиться въ свое время въ видѣ красивыхъ парадоксовъ ницшеанства.

Но еще прошли годы всякаго рода разрушительной критики, прежде чѣмъ политическіе успѣхи возобладавшей среди германскихъ государствъ Пруссіи поставили во главѣ Германіи и прусскихъ владыкъ, и прусскую идеологію. Лютеранство, сыгравъ свою разлагающую роль, мало-по-малу, путемъ полнѣйшей критической анархіи, привело къ широко разлившемуся по всѣмъ классамъ невѣрію и даже отвращенію къ тому самому христіанству, «евангелизировать» которое взялся когда-то Лютеръ, но зато и само подпало подъ полную власть государства, вплоть до признанія правителя страны «верховнымъ епископомъ», какъ это, наконецъ, и было открыто провозглашено президентомъ евангелическаго верховнаго совѣта въ 1897 году предъ генеральнымъ синодомъ, и даже нѣкоторымъ обра-

зомъ установлено догматически [30]). Это было сдѣлано уже тогда, когда пресловутая идея «Deutschland über Alles» была въ полномъ ходу, а послушное ей лютеранство стало раскидывать свои «евангельскія» сѣти, но далеко не съ евангельскими цѣлями, между прочимъ, и по лицу нашей родины, гдѣ всевозможныя такъ называемыя раціоналистическія секты чисто лютеранскаго склада, едва ли не субсидировавшіяся изъ Берлина, начали разрастаться, какъ грибы [31]). Да и какъ было не воспользоваться наименьшимъ сопротивленіемъ нашего темнаго, а главное—въ недавнее еще время столь пьянаго народа, который, особенно въ своихъ городскихъ, слегка и кое-какъ тронутыхъ культурой классахъ, тотчасъ же и довѣрчиво потянулся къ обманчивому, но предлагавшемуся подъ видомъ сомнительнаго евангелизма свѣту *лютеранскаго* братства, трезваго, дѣлового, но прежде всего и въ корень враждебнаго православію, какъ одной изъ главныхъ силъ сопротивленія давно задуманному и систематически осуществлявшемуся «Drang nach Osten». Это былъ спеціальный пода-

---

[30]) Ф. Гуппертъ, Итоги четырехсотлѣтняго самобытнаго развитія нѣмецкаго протестантства къ началу 20-го столѣтія (по протест. источникамъ), Перев. Никитскаго, 1910, стр. 83.

[31]) По сообщенію архіепископа Одесскаго Назарія, въ послѣднее время, къ православной церкви присоединилось только въ одной его епархіи 52 семейства баптистовъ, вмѣстѣ съ ихъ діакономъ, что объясняется сокращеніемъ нѣмецкаго вліянія въ колоніяхъ Херсонской губ. Уже одинъ этотъ фактъ проливаетъ достаточный свѣтъ на истинную сущность извѣстной „евангельской" секты въ Россіи. (См. „Приходск. листокъ", издаваемый при Св. Синодѣ, № 95, а также газ. „Русское Слово", № 78 за текущій годъ.)

рокъ намъ со стороны прусскаго лютеранства, сдѣлавшагося послушнымъ орудіемъ осуществленія политическихъ задачъ, встрѣтившихъ безхитростную и довѣрчивую среду, не смогшую, конечно, понять истинной сути нѣмецкаго «евангелизма», какъ это сдѣлали англичане еще въ эпоху пуританскихъ междоусобій. Что же касается всего человѣчества, то ему былъ подаренъ Ницше—это, конечно, было несравненно болѣе красиво и завершало торжественнымъ аккордомъ четыре вѣка лютеранской обработки германскаго духа. Да къ тому же новѣйшая Германія въ лицѣ Ницше выставила послѣднюю философскую фигуру крупнаго и въ то же время *общедоступнаго* масштаба, которой можно было шумно и популярно хвастнуть.

Незамѣтно промелькнувшій индивидуализмъ Штирнера не только былъ преждевременен, но кромѣ того, черезчуръ отвлеченен и сухъ. Для его превращенія въ эстетическія формы ницшеанства нужно было еще прошумѣть культу героевъ Карлейля, Эмерсона и ихъ послѣдователей, нужно было забродить индивидуалистическимъ идеямъ вообще, вплоть до нашего Достоевскаго, въ лицѣ Раскольникова развивавшаго приблизительно идеи Ницше, наконецъ, нужно было всему этому красиво преломиться въ чисто субъективномъ, бурномъ творчествѣ Ницше, дѣйствовавшемъ скорѣе на непосредственное чувство, чѣмъ на сферу не всѣмъ доступнаго, философскаго мышленія. Но зато именно благодаря этому, съ тѣмъ большей силой идеи Ницше о сверхчеловѣкѣ и сверхиндивидуальности могли быть легко и жадно усвоены рядовой

массой, кружа средніе умы мечтами о возможности выдѣлиться изъ «презрѣнной толпы» хоть чѣмъ-нибудь, хотя бы даже «дерзновеніемъ» самоубійства (вспомнимъ Сергѣя Петровича въ одноименномъ разсказѣ Л. Андреева). Нужно ли говорить, поэтому, куда тотчасъ же повело плохо переваренное ницшеанство, запавшее въ и безъ того закружившіяся головы людей, далекихъ отъ геніальности, но могшихъ такъ или иначе влiять на политическія комбинаціи, все болѣе и болѣе осложнявшіяся еще и чисто экономическими условіями мировой жизни.

Всякимъ вопросамъ вѣры и религіи въ положительномъ смыслѣ здѣсь, конечно, уже не было мѣста: Ницше былъ не только арелигіозенъ, но прямо антирелигіозенъ, а главное — глубоко и страстно ненавидѣлъ христіанство, съ одной стороны, повидимому, достаточно съ самаго дѣтства насмотрѣвшись на унылыя картины офиціальнаго лютеранскаго благочестія, а затѣмъ чисто-эстетически плѣнившись апокалипсической фигурой Антихриста. И вотъ, наиболѣе ярко и популярно блеснувшій философъ современной Германіи разражается почти ругательствами противъ не только «рабской морали» христіанства, но и противъ самого Христа. «Что вредоноснѣе какого бы то ни было порока?», спрашиваетъ онъ, и тотчасъ же отвѣчаетъ: «Дѣятельное состраданіе ко всѣмъ неудавшимся и слабымъ—христіанство». И въ этомъ отвѣтѣ вдругъ неожиданно чудится далекій отзвукъ еще лютеровскаго презрѣнія къ «соломенному» посланію ап. Іакова, именно проповѣдующему «дѣя-

тельное состраданіе». А затѣмъ слѣдуетъ основной антихристіанскій мотивъ варьируемаго на различные лады извѣстнаго ницшеанскаго афоризма: «Слабые и неудавшіеся должны погибнуть: первое положеніе нашего (т.-е. ницшеанскаго, а затѣмъ, какъ мы теперь ясно видимъ, и общегерманскаго) человѣколюбія. И надо еще имъ помочь въ этомъ» [32]). Здѣсь уже не отвлеченный «чистый эгоизмъ» Штирнера, а нѣчто дѣятельное и намѣчающее чисто-практическую программу образа дѣйствій...

Невозможно, да и не нужно, повторять здѣсь все то, что говоритъ далѣе возмнившій себя самого «антихристомъ» Ницше въ своемъ спеціальномъ сборникѣ, направленномъ противъ христіанства. Приведу лишь еще одно изъ его мнѣній, странно и неожиданно сближающее нашу русскую психику съ евангельской, что, конечно, по Ницше, заслуживаетъ лишь презрѣнія: «Тотъ странный и больной міръ, въ который вводитъ насъ евангеліе,— говоритъ Ницше,—міръ словно изъ русскаго романа, гдѣ какъ будто происходитъ rendez-vous отбросовъ общества, нервныхъ страданій и дѣтскаго идіотизма». Безъ всякаго сомнѣнія, здѣсь подразумѣвается не кто другой, какъ Достоевскій, именно котораго, нѣсколькими строками ниже, Ницше хотѣлъ бы видѣть около Христа, такъ какъ, по его мнѣнію, только великій русскій писатель смогъ бы «ощутить захватывающую прелесть смѣси возвышеннаго, больного и дѣтскаго» [33]). Что же,— скажемъ мы,—много чести, но очень рады.

---

[32]) Антихристъ, стр. 5.

[33]) Тамъ же, стр. 65—66.

Менѣе лестно мнѣніе Ницше о лютеранствѣ, которому дается слѣдующее образное опредѣленіе: «полупараличъ христіанства», а также и разума,— неожиданно добавляетъ философъ, тотчасъ же и разъясняя столь оригинальный выводъ съ обычной ему своеобразностью мысли: «Стоитъ лишь произнести слово «Тюбингенская школа», — говоритъ онъ,—чтобы понять, что въ сущности нѣмецкая философія—коварная теологія», чѣмъ, съ своей стороны, подтверждаетъ то, что мы стремились установить, въ общихъ чертахъ, въ настоящемъ очеркѣ. Что же касается оцѣнки моральнаго удѣльнаго вѣса германской націи, то просто повѣримъ на слово Ницше, полагающему, что «Кантъ, подобно Лютеру, подобно Лейбницу, былъ лишнимъ тормозомъ въ нѣмецкой честности, которая сама по себѣ была не тверда въ тактѣ» [34]). Намъ ли теперь не повѣрить, что эта честность въ послѣднее время уже и совсѣмъ сбилась со всякаго такта?

Итакъ, лютеранство, какъ широкое религіозное движеніе, мало-по-малу превратившись въ какое-то странное христіанство безъ Христа, сыграло свою роль, перейдя, затѣмъ, на вѣрную службу прусской гегемоніи, запретендовавшей, въ силу стеченія различныхъ причинъ, уже на міровое владычество. Отчего же, скажутъ, то же лютеранство не принесло такихъ же плодовъ, напримѣръ, въ Англіи или скандинавскихъ государствахъ? На это мы отвѣтимъ, прежде всего, что оно тамъ не было національно, а затѣмъ не встрѣтило и соотвѣтствующей религіозно-исторической почвы, хотя все-та-

---

[34]) Антихристъ, стр. 18—19.

ки успѣло сообщить вѣроисповѣдному укладу этихъ странъ тотъ привкусъ плоскаго ханжества, противъ котораго направляетъ свои стрѣлы Свифтъ еще подъ свѣжими впечатлѣніями вторженія лютеранскихъ настроеній въ Англію, а Ибсенъ въ наши дни,—въ пламенныхъ рѣчахъ Бранда. Но въ Германіи именно ея національное лютеранство со своими принципами господства личнаго разума, личныхъ заслугъ и богоизбранности, создало то общее настроеніе, которое охватило всѣ нѣмецкія земли, несмотря на то, что добрая половина ихъ и до сихъ поръ остается вѣрной католичеству. Но это произошло совершенно такъ же, какъ политическое настроеніе потерявшаго всякую мѣру самомнѣнія прусскаго юнкерства сумѣло наложить свою печать на всю по существу, по общности національно-политическихъ идей, *прусскую* Германскую имперію.

Наконецъ, въ историческомъ порядкѣ, нашъ обзоръ логично развивавшейся прусско-германской идеологіи можетъ быть очень кстати завершонъ яркимъ примѣромъ выявленія этой идеологіи въ столь національномъ представителѣ современной германской интеллигенціи, и даже до извѣстной степени властителѣ ея монистическихъ думъ, каковымъ является Геккель, еще не такъ давно привѣтствовавшійся и значительной частью интеллигенціи русской по поводу своего восьмидесятилѣтняго юбилея. Этотъ примѣръ особенно интересенъ потому, что въ идейномъ строѣ Геккеля, какъ въ маломъ фокусѣ, очень отчетливо собрались основныя черты именно того, предъ практическимъ проявленіемъ чего мы теперь присутствуемъ. Чер-

ты эти—необузданное самомнѣніе, а затѣмъ полная безцеремонность и самая наглая ложь во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда является надобность въ достиженіи во что бы то ни стало своихъ личныхъ цѣлей.

И въ самомъ дѣлѣ, что же, какъ не необузданное и уже почти впадающее въ комизмъ самомнѣніе заставило Геккеля высказать на Мюнхенскомъ конгрессѣ нѣмецкихъ естествоиспытателей и врачей претензію на то, чтобы въ школахъ философія и религія были замѣнены его «Исторіей творенія», а его горячихъ послѣдователей, «свободомыслящихъ монистовъ»—потребовать даже установленія офиціальнаго культа и обоженія «простѣйшихъ», вплоть до сооруженія храмовъ этимъ новымъ богамъ, съ Геккелемъ-первосвященникомъ новаго культа во главѣ [35])?.. Что же касается самой беззастѣнчивой лжи, которую допустилъ сей будущій «первосвященникъ» въ своемъ твореніи «Проблема человѣка», предназначавшемся на роль евангелія новой «религіи», то здѣсь достаточно будетъ лишь напомнить о скандалѣ, возникшемъ около разоблаченій доктора Брасса, уличившаго почтеннаго ученаго въ самомъ грубомъ и предумышленномъ искаженіи иллюстрирующихъ его излюбленныя идеи рисунковъ, заимствованныхъ у другихъ изслѣдователей. Какъ извѣстно, въ отвѣтъ на эти обвиненія сперва послышалась со стороны «первосвященника» грубая брань, затѣмъ вина была свалена на рисовальщика и, наконецъ, когда дѣлать было больше нечего, все увѣнчалось слѣдующимъ наивно-циническимъ признаніемъ: «Небольшая часть

[35]) E. Cyon, Dieu et Science. 1912, p. 384—366; см. Н. Соловьевъ, Научный атеизмъ, 1915, стр. 16 и 19.

моихъ многочисленныхъ фигуръ-эмбріоновъ дѣйствительно поддѣланы, и именно всѣ тѣ, гдѣ наблюденія, которыми я располагалъ, оказались неполными или слишкомъ недостаточными для обоснованія непрерывной цѣпи развитія; дѣлались усилія лишь заполнить въ подобныхъ случаяхъ пробѣлы гипотезами» [36]). Не говоря уже объ измышленіи Геккелемъ такихъ вещей, которыя никто и нигдѣ не видѣлъ, объ употребленіи одного и того же клише для различныхъ изображеній, объ измѣненіи, переиначиваніи и обрѣзаніи нужныхъ цитатъ, однимъ словомъ, о всемъ томъ, что повѣствуетъ Деннертъ въ своей книжкѣ, спеціально посвященной знаменитымъ «Міровымъ загадкамъ» [37]).

Если такъ поступалъ патріархъ нѣмецкаго естествознанія, то чего же требовать отъ прусскихъ лейтенантовъ, и мудрено ли, что Германія Геккеля и императора Вильгельма внезапно, но въ сущности вполнѣ естественно и логично, впала въ ужасную по своимъ послѣдствіямъ одержимость вырвавшагося наружу и уже очевидно вполнѣ созрѣвшаго *идейнаго* звѣрства. Лютеранскій періодъ германской идеологіи, начавшійся съ религіозныхъ поддѣлокъ Меланхтона, закончился таковыми же, но уже атеистическими,—Геккеля, лишь на практикѣ прило-

36) Cyon, p. 368; Соловьевъ, стр. 20.

37) Э. Деннертъ, Геккель и его „Міровыя загадки“ по сужденіямъ спеціалистовъ, пер. Колмовскаго, 1909, стр. 106; Соловьевъ, стр. 15. См. также: А. Тихомировъ, Созданіе жизни на землѣ, стр. 31.

Вспомнимъ, кстати, какъ Тюбингенская школа библейской критики, въ свое время, предполагала, для спасенія своихъ теорій, искаженія и подлоги повсюду и вездѣ. Видно все это было по существу близко нѣмецкой психикѣ.

жившаго извѣстный девизъ Ницше: «Нѣтъ истины,—все дозволено» въ области знанія, и принципіальной ложью современныхъ нѣмецкихъ стратеговъ и политиковъ—въ области человѣческихъ отношеній.

Кромѣ идейнаго фона, созданнаго лютеранскимъ направленіемъ національнаго духа, и политическаго могущества, выросшаго изъ побѣдоносныхъ войнъ съ сосѣдями, бѣсъ гордыни, обуявшій германцевъ въ значительной степени былъ взращенъ еще и колоссальнымъ успѣхомъ техники, понимаемой, конечно, въ самомъ обширномъ смыслѣ этого слова. И если техническій прогрессъ не есть исключительное достояніе нѣмецкой націи, то именно здѣсь онъ пришелся какъ разъ и по національному складу характера, и по идейной подготовкѣ четырехсотлѣтнимъ воспитаніемъ его въ духѣ сперва религіознаго, а затѣмъ и атеистическаго индивидуализма. А между тѣмъ, именно поражающая воображеніе техника всего проще и понятнѣе ассоціируется съ представленіемъ о сверхчеловѣческомъ всемогуществѣ, которое, напримѣръ, Вл. Соловьевъ склоненъ былъ приписывать даже самому Антихристу, какъ великому технику, говоря: «Магическая и механическая техника этого дѣла (т.-е. низведенія огня съ неба, согласно XIII главѣ Апокалипсиса) не можетъ быть намъ заранѣе извѣстна, и можно только быть увѣреннымъ, что черезъ два или три вѣка она уйдетъ очень далеко отъ теперешней, а что именно при такомъ прогрессѣ возможно будетъ для такого чудодѣя (двурогаго звѣря той же главы),—объ этомъ я не берусь судить» [38]).

[38]) Собр. соч., т. VIII, 1903, стр. 459.

И дѣйствительно, если внимательно всмотрѣться въ умственный и научный прогрессъ Германіи за послѣднія десятилѣтія, то поражаетъ достигнутый ею техническій прогрессъ всякаго рода, начиная съ обширной и разнообразной области естествознанія и кончая самой спеціальной техникой хотя бы изданія различныхъ первоисточниковъ знанія историческаго и религіознаго. Но въ то же время техническій прогрессъ былъ несравненно интенсивнѣе и разнообразнѣе прогресса идей, и особенно идей моральнаго порядка. А благодаря этому, просто и общепонятно на первый планъ выдвигалось быстро возраставшее чувство осязательно сознаваемой силы чисто-физической, предъ которою, по мнѣнію современныхъ германцевъ, должны неизбѣжно спасовать всѣ тѣ духовные факторы человѣческой жизни, которые, служа содержаніемъ столь презираемыхъ нѣмцами договоровъ, превращаются въ прахъ отъ перваго же могучаго вздоха крупповскихъ орудій. И вмѣстѣ съ тѣмъ, невольно начинаетъ казаться, что столь преувеличенное понятіе о размѣрахъ человѣческаго могущества, прочно внѣдрившееся въ тяжеловѣсную нѣмецкую психику, не осталось безъ вліянія той идейной аберраціи, которая очень легко возникаетъ при погруженіи мысли въ міръ безконечно малаго, открываемый намъ и инструментами, и гипотезами современнаго естествознанія. Среди всѣхъ этихъ клѣточекъ, корпускулъ и эѳирныхъ волнъ человѣкъ поневолѣ начинаетъ чувствовать себя гигантомъ, легко забывая часто грозящую ему гибель именно со стороны коллективнаго натиска всѣхъ этихъ пространственныхъ ничтожествъ. Обращая взоръ отъ

величественныхъ астрономическихъ созерцаній къ ультрамикроскопическимъ и гипотетическимъ безконечно-малымъ элементамъ матеріи, нельзя не почувствовать грубой иллюзіи своего хотя бы лишь пространственнаго превосходства, и очень легко впасть, вмѣсто столь свойственнаго астрономіи благоговѣнія предъ величіемъ Божіимъ, въ преклоненіе предъ сравнительнымъ величіемъ человѣческимъ, да еще и разукрашеннымъ горделивымъ сознаніемъ достигнутыхъ здѣсь техническихъ побѣдъ.

Обращаясь къ чисто жизненнымъ результатамъ громаднаго техническаго прогресса, необходимо отмѣтить, что именно этотъ прогрессъ уже давно выпускалъ на обширную арену всего человѣчества безчисленно-разнообразные продукты нѣмецкой работы, вообще хорошаго, а часто и безукоризненнаго качества (вспомнимъ хотя бы тѣ въ высшей степени надежные литературные источники, которыми кто изъ насъ не пользовался), а главное, все это было сравнительно дешево и потому общедоступно. Но зато удобство и дешевизна средствъ какъ жизненнаго, такъ, если можно такъ выразиться, и научнаго благополучія, мало-по-малу заслонила идейную сторону германской жизни, наложивъ печать опошленія и часто напыщенной заурядности на все то, что столь дѣятельно изготовлялось подъ маркой «Made in Germany». Все это было сдѣлано добросовѣстно, чисто и дешево, и впереди обѣщало все то же, и то же. Германскій «домъ», мало-по-малу опустошенный лютеранствомъ, былъ чисто и аккуратно выметенъ раціонализмомъ и украшенъ идеями *нѣмецкаго* сверхчеловѣчества:

за лютѣйшими бѣсами дѣло не стало. Они вселились въ него внезапно и на удивленіе всему міру, но, будемъ надѣяться, и на собственную погибель.

Всего же печальнѣе, что пошлое очарованіе техническимъ прогрессомъ и нѣмецкой дешевкой уже успѣло прочно укорениться и въ сосѣднихъ съ Германіей странахъ и, быть можетъ, съ особенной силой у насъ, благодаря малому сопротивленію нашей мягкой, безпечной, да вдобавокъ и неизбалованной по части жизненныхъ удобствъ натуры. Слишкомъ долго русская жизнь всячески обрабатывалась прелестями и удобствами дешеваго нѣмецкаго производства во всемъ, начиная съ популярныхъ идеекъ послѣдняго времени и кончая дешевыми гувернантками-нѣмками, подъ незамѣтнымъ, но упорнымъ вліяніемъ которыхъ давно уже воспитывались поколѣнія русской интеллигенціи, изъ которой и теперь еще далеко не большая часть сумѣла и смогла освободиться отъ узъ нѣмецкаго очарованія, осознавъ и уразумѣвъ его дѣйствительную цѣнность. Оттого то даже въ переживаемую нами эпоху рѣзкихъ переоцѣнокъ и смертельной національной опасности все еще не рѣдкость услыхать изъ устъ интеллигентской посредственности, часто и въ глаза не видавшей истинной нѣмецкой культуры, полузлобное и безсмысленное шипѣніе о чуть ли даже не желательныхъ нѣмецкихъ побѣдахъ. Но будемъ надѣяться, что еще мало затронутая свѣжесть души русскаго народа предохранитъ насъ отъ возникновенія и у насъ пошло украшенной пустоты, въ которую такъ легко вселяются бѣсы звѣрства и гибели.

———

Цѣна 35 коп.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ
при типографіи Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К°,
Москва, Пименовская ул., с. д.